

ИГОРЬ ГУБЕРМАН

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ ДНЕВНИК ГАРИКИ С АРОМАТОМ УДАЧИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ!

Игорь Губерман. Сатира и юмор

Игорь Губерман
Последний
Иерусалимский дневник

«ЭКСМО»

Губерман И. М.

Последний Иерусалимский дневник / И. М. Губерман —
«Эксмо», — (Игорь Губерман. Сатира и юмор)

ISBN 978-5-04-173583-8

Собрание знаменитых коротких стихотворений Игоря Губермана. О законах и справедливости, об умении жить, в профессиональном и жизненном выгорании, о народе и семье, о надежде и об удаче. Губерман к каждой выбранной теме подходит с юмором и не дает нам грустить, даже если пишет о старости и смерти. «Последний Иерусалимский дневник» входит в цикл дневников автора, — стоит перечитать их, начиная с самого первого. Особенно хорошо эти дневники помогают пережить депрессию и состояние опустошения: надежда есть всегда, даже там, где «стало пакостно и стыдно». Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-04-173583-8

© Губерман И. М.

© Эксмо

Содержание

«Забавны с реальностью наши контакты...»	12
«Смотрю я, горестно балдея...»	13
«Увы, но он никак не обнаружился...»	14
«Убога поздней старости тюрьма...»	15
«Читаю разных типов откровение...»	16
«Законы, правила, традиции...»	17
«Оставив будней суету...»	18
«В моём сегодняшнем уюте...»	19
«Пока мы есть сейчас и здесь...»	20
«Вся цель моих мыслительных потуг...»	21
«Нельзя не выразить сочувствия...»	22
«Прошлое не стоит ворошить...»	23
«Я спорю деликатно и тактично...»	24
«А время так необратимо...»	25
«Мои тюремные соузники...»	26
«Он так лучился и блистал...»	27
«Я слабо верю в коллектив...»	28
«Да, я изрядно толстокож...»	29
«Забавно, что в последние года...»	30
«Переплетение ветвей...»	31
«Сколько жить ещё мне суждено...»	32
«Тот путь, который выбрал я себе...»	33
«Вполне хватало мне ума...»	34
«Я много пью хмельного зелья...»	35
«Ко мне приходят мысли и сентенции;...»	36
«Давнишняя загадочность России...»	37
«Высоких нет во мне горений...»	38
«Года летят быстрее птичек...»	39
«Тоска приходит в душу ниоткуда...»	40
«Мой узкий мир ничуть не тесен...»	41
«А старость потому порой уныла...»	42
«Почувствовав судьбы благоволение...»	43
«Приглядываюсь пристально и страстно...»	44
«Сейчас, когда помимо иллюстраций...»	45
«Земного срока на закате...»	46
«Года текут невидимой рекой...»	47
«Не люблю я возвышенный стиль...»	48
«Пусть не хожу я в синагогу...»	49
«Я медленно и трудно созревал...»	50
«Не говорил я это вслух...»	51
«В отличие от гонореи...»	52
«Я люблю любого эрудита...»	53
«Добавляются нам неприятности...»	54
«Не хочется двигаться, лень шевелиться...»	55
«Участливо глядит на нас Творец...»	56
«Мы вряд ли замечали б это сами...»	57

«Я из разумных стариков...»	58
«Хотя полно гуманных версий...»	59
«Бог явно длит моё существование...»	60
«По жизни случаются дни...»	61
«Теперь я тихий долгожитель...»	62
«Со счастьем очень тесно я знаком...»	63
«Старость – это горечь угасания...»	64
«Бог аккуратно близких всех выкашивал...»	65
«Похоже на дыхание чумы...»	66
«Ночью дух податлив чуду...»	67
«Мир хотя устроен не без блядства...»	68
«Не известна конечная дата...»	69
«Хвалю кровать я кстати и некстати...»	70
«Отменный был бы я еврей...»	71
«Прохиндей, вымогатель, пройдоха...»	72
«Я людей нисколько не сужу...»	73
«Пускай беснуется толпа...»	74
«В это время навеки я влип...»	75
«Когда евреи, головы клоня...»	76
«Не отвлекаясь на подробности...»	77
«Мы душевно – отнюдь не калеки...»	78
«Увядание естественно...»	79
«И был я уязвим со всех сторон...»	80
«Напрасно нас пугает бездна...»	81
«С валютою не снятся мне мешки...»	82
«При жизни в сумасшедшем доме...»	83
«Пока тупая сила правит миром...»	84
«Я часто про себя пишу неряшливо...»	85
«Я раньше никогда бы не подумал...»	86
«Учусь я у власти умению жить...»	87
«Сегодня говорю я, что всегда...»	88
«Слова – сродни случайному лучу...»	89
«Шёл двадцать первый век уже. Смеркалось...»	90
«В итоге благодарен я судьбе...»	91
«Я жизнь мою не мыслю без того...»	92
«Преступному весь век я предан зуду...»	93
«Я не храбрюсь, когда ругаюсь матом...»	94
«Мне не дано сердечный перестук...»	95
«Глухую подковёрную борьбу...»	96
«В семье, далёкой от народа...»	97
«Мне утреннее тяжко пробуждение...»	98
«Я нынче тихо бью баклуши...»	99
«Я не войду в число имён...»	100
«Наш мир в рассудке повреждён...»	101
«Друзья уходят, множа некрологи...»	102
«Я век мой мирно доживал...»	103
«Житейской мудрости излишек...»	104
«Как было в молодости пылкой...»	105
«За книгами провёл я много дней...»	106

«Что-то я мучаюсь мыслями стрёмными...»	107
«Все ухватки картёжного шулера...»	108
«С несправедливостью не воин...»	109
«По счастью, я ругался матом...»	110
«Дух времени отнюдь не благовонен...»	111
«Секрет молчанья очень прост...»	112
«В моём весьма почтенном возрасте...»	113
«Стареет цех наш очень фанфаронисто...»	114
«Лентяи, я всегда люблюсь ими...»	115
«Такой приключилась эпоха моя...»	116
«Несутся мои старческие дни...»	117
«Я что-то нынче сильно плох...»	118
«К потомкам дальним не дотянутся...»	119
«Большому веку современен...»	120
«Я благонаравием не был отмечен...»	121
«Когда умру – привет народу...»	122
«Прошли естественные сроки...»	123
«С началом горячей и влажной весны...»	124
«Навряд ли польза есть в житейском опыте...»	125
«Весьма достойна сожаления...»	126
«Наша старость протекает без надрывов...»	127
«Какой-нибудь идеи дуновение...»	128
«Таким я вовсе не был смолоду...»	129
«Наблюдаю много лет я борьбу и гонки...»	130
«Азарт познания угас...»	131
«Мне кажется, во мне с рождения...»	132
«О чём туманно грезят старики...»	133
«Я выгорел внутри почти дотла...»	134
«Хоть не встречал я привидений...»	135
«Со спорщиками раньше был я дружен...»	136
«Легко, вольясь в людскую реку...»	137
«Кто в суете и круговерти...»	138
«То хлипких знаний фанаберия...»	139
«Когда гнетёт меня печаль...»	140
«В Австралии резвятся кенгуру...»	141
«Младенцем сосал материнскую грудь...»	142
«Я прошлые не помню склонности...»	143
«Навряд ли мои предки унывали...»	144
«Когда совсем удача рядом...»	145
«Всё как-то стало безотрадно...»	146
«Дымит завод. Растут дома...»	147
«Я наделён образованием...»	148
«Я был бы просто подлецом...»	149
«Я многое чего не докумекал...»	150
«Меня пугали хулиганами...»	151
«Изрядно самогоном обожжённая...»	152
«Я только сейчас, к исходу века...»	153
«Я рад был видеть: напрочь разные...»	154
«Не путай службу и служение...»	155

«И я когда-то был учащимся...»	156
«Есть за всё в этой жизни расплата...»	157
«Сижу внутри квартиры у дверей...»	158
«Восторженность ко мне приходит редко...»	159
«Увы, по мере пробуждения...»	160
«Какую-то крошку тащил муравей...»	161
«По возрасту давно бы мне пора...»	162
«Зря иные кипят в беспокойстве...»	163
«Уже я в жаркий перепляс...»	164
«Нет, на Творца я не в обиде...»	165
«Время нынче катится безумное...»	166
«На свете есть такое вещество...»	167
«Когда уйду я в царство теней...»	168
«Ненужное милее мне, чем нужное...»	169
«Срок земной не знает замедления...»	170
«Всякое моё изображение...»	171
«Бесчисленно обилие трактатов...»	172
«Охотно славу я воздам...»	173
«Когда народ за душу трогали...»	174
«Живу я тихо и беспечно...»	175
«Простое вполне размышление...»	176
«Когда у власти гаснут чары...»	177
«Уже стою у двери в мир иной...»	178
«Устроен каждый очень разно...»	179
«Мне столь же нужно, как дыхание...»	180
«Едва лишь дымом сигареты...»	181
«Ушла из ног бывшая резвость...»	182
«Заметил я, что ближе к ночи...»	183
«Сегодня я в любом огромном зале...»	184
«Длится много лет моя суббота...»	185
«Когда мне пафосные речи...»	186
«Много ездивши по свету...»	187
«Попытки вникнуть – увы, напрасны...»	188
«Наверно, дедушка устал...»	189
«Мне о себе достаточно известно...»	190
«Как застрявший в шахте рудничной...»	191
«Я часто в забубённом русском мате...»	192
«Не сбудется сказка о мире ином...»	193
«Состарясь, я ничуть не унываю...»	194
«Ушли любовные страдания...»	195
«Им недолго жить в сиропе...»	196
«О будущем не строю я прозрения...»	197
«И зла в достатке, и добра...»	198
«Никто б из нас не стал поэтом...»	199
«Жить растущей хвори вопреки...»	200
«В эпоху чёрного паскудства...»	201
«Когда я сидел под тюремным замком...»	202
«День ушёл, как не было его...»	203
«Идут за поколеньем поколение...»	204

«У всякой жизни главный враг...»	205
«Злодеев идейных сегодня полно...»	206
«Всё, что выпало нам на веку...»	207
«Скудость, мелюзга и шелупонь...»	208
«Предвестие, понятное не сразу...»	209
«Слово красивое – совокупление...»	210
«Промчалась жизнь единым мигом...»	211
«Сулят года суровые...»	212
«Свою мы не улучшили породу...»	213
«Приметы времени зловещи...»	214
«Себя трудами изнуря...»	215
«Характер мой – довольно спорный...»	216
«Устав негодовать и удивляться...»	217
«А мне уже непостижимо...»	218
«Есть чудо, тайна и секрет...»	219
«Это лишь мыслишка, а не знание...»	220
«Сочинитель не крупного профиля...»	221
«Когда цветы к ночи пожухли...»	222
«Я не предаю себя стыду...»	223
«Бывало больно, горько, кисло...»	224
«Судя обо всём уравновешенно...»	225
«Влияние наследственных корней...»	226
«Пришло предчувствие приятное...»	227
«Однажды жизнь освободится...»	228
«Дни летят, превращаясь в года...»	229
«Когда приходит увядание...»	230
«В будничной рабочей суматохе...»	231
«Я сильно временем иссушен...»	232
«С возрастом пишу гораздо тише я...»	233
«Творцом означена тенденция...»	234
«Готов идти я на пари...»	235
«Я говорю прозрачно и открыто...»	236
«Благодаря, наверно, генам чистым...»	237
«Несла убийства и контузии...»	238
«Есть в сутках отрезок любимого времени...»	239
«Нет, в этом жанре я не пионер...»	240
«Когда вступал в законный брак...»	241
«В саду сидел седой старик...»	242
«Жить с веком нашим в унисон...»	243
«Увы, я неуч неотёсанный...»	244
«Совсем не помнил я открытие...»	245
«Я веское имею основание...»	246
«Любил я Олю, Дусю, Зину...»	247
«Судьбы моей густой материал...»	248
«Увы, всему положен финиш...»	249
«Весьма простая держит нить...»	250
«Мы уходим, как листья осенние...»	251
«За все земные злодеяния...»	252
«Мир переполнен злом и подлостью...»	253

«Увы, увы, но счастье власти...»	254
«Мне часто кажется, что хватит...»	255
«Если баба достаточно женственна...»	256
«Ушли великие поэты...»	257
«Ветры времени сдувают нас, как пыль...»	258
«Меня обманывали часто...»	259
«Теперь я мало озабочен...»	260
«Желание писать несу, как гирю...»	261
«По жизни я вполне ещё бреду...»	262
«Я не был ни учёный, ни герой...»	263
«О старости не зря с тоской вздыхают...»	264
«Не тоскую я о юной поре...»	265
«Мотался я туда-сюда...»	266
«Мне хорошо на склоне дней...»	267
«Среди повседневных некрупных забот...»	268
«Легко писать печально и уныло...»	269
«Я ни за что людей не порицаю...»	270
«Долгое немое созерцание...»	271
«Как будто это некое предательство...»	272
«Стишки то завывал я, то гундосил...»	273
«Струится время беспросветное...»	274
«Когда кончается гипноз...»	275
«Всё время хочется прилечь...»	276
«В настроение придя философское...»	277
«Я наслаждаюсь – нет иного слова...»	278
«От жизни нет у нас охраны...»	279
«Горькое чувство меня прихватило...»	280
«Мне нравилась черта моя...»	281
«Душе отраднo постоянство...»	282
«Как хорошо, что время тянется...»	283
«Под вечер за щедрость Всевышнего...»	284
«А был бы талант, я писал бы романы...»	285
«Явился факт – печальный и обиденный...»	286
«Не знаю ничего я многотрудней...»	287
«Заметно увеличилось число...»	288
«Вечерних кинофильмов завсегдаем...»	289
«Ещё не раз дадут мерзавцу премию...»	290
«Когда пришла любовная пора...»	291
«Сумма знаний, дара и наития...»	292
«Любил я в жизни первой половине...»	293
«Ты напрасно тужишься, философ...»	294
«Выслушивал я разные суждения...»	295
«Божью милость нынче трудновато...»	296
«У времени мы не были в опале...»	297
«Слегка сегодня был я озадачен...»	298
«Других таких не сыщешь наций...»	299
«Отраднo в годы на закате...»	300
«Я к себе домой пускал не всякого...»	301
«Признаться в этой горести легко...»	302

«Возможно, я избыточно серьёзен...»	303
«Уже такое всякое наворачено...»	304
«Творцом положена граница...»	305
«Натешась вдосталь жизни пиром...»	306
«Её хоть невозможно изучить...»	307
«В мире много разных философий...»	308
«Смотрю вокруг я с детским любопытством...»	309
«На небе есть большой чертог...»	310
«Я не сатирик и не юморист...»	311
«Давно горжусь, что мой народ...»	312
«О людях – человек я пожилой...»	313
«Надеюсь, Бог уже простил...»	314
«Однажды в порыве одном...»	315
«В суждениях могу я погодить...»	316
«С какого-то срока пора собираться...»	317
«Я не принёс ни пользы, ни урона...»	318
«Утраты, находки, потери...»	319
«Сегодня ночью жизнь мою листал...»	320
«Любые разумные доводы...»	321
«Нет, я не жгу себя дотла...»	322
«Пускай вреда обоснование...»	323
«С упрёком смотрят мне вослед...»	324
«Я начитался всякой дури...»	325
«Много было на свете событий...»	326
«Мы пьём, целуемся, едим...»	327
«Я не мудёр, однако опытен...»	328
«Вкушая крепкие напитки...»	329
«Ещё мы в сужденьях круты...»	330
«Блаженство остро чувствуя хмельное...»	331
«Пришла невнятная тоска...»	332
«Друзей ушедших лица ясные...»	333
«Из-за бушующих амбиций...»	334
«Опережая некролог...»	335
«За всё переживать уже не нужно...»	336
«Но жизнь – как её ни гасили...»	337
«Не понимает молодёжь...»	338
«А старость я переживал...»	339
«Одна у всехней старости беда...»	340
Конец ознакомительного фрагмента.	341

Игорь Губерман

Последний Иерусалимский дневник

© Губерман И., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Моей жене Тате – с любовью и благодарностью

«Забавны с реальностью наши контакты...»

Забавны с реальностью наши контакты
в любые текущие дни:
легенды и мифы нужнее, чем факты, —
понятней и ярче они.

«Смотрю я, горестно балдея...»

Смотрю я, горестно балдея,
как мир на самом деле прост:
заплесневевшая идея
идёт из кучи хлама в рост.

«Увы, но он никак не обнаружился...»

Увы, но он никак не обнаружился —
тот путь, что вывел нас пожить на свете:
я вовремя спросить не удосужился,
а нынче уже некому ответить.

«Убога поздней старости тюрьма...»

Убога поздней старости тюрьма
и горестна её неодолимость:
любое напряжение ума
родит во мне дремучую сонливость.

«Читаю разных типов откровение...»

Читаю разных типов откровение,
мне делается пакостно и грустно:
публичное общественное мнение
сейчас публичным домом пахнет густо.

«Законы, правила, традиции...»

Законы, правила, традиции
и нормы всех иных краёв
намного мельче интуиции
больших привластных холуёв.

«Оставив будней суету...»

Оставив будней суету,
понять пытаюсь Божью волю;
следы уводят в пустоту
и властно манят к алкоголю.

«В моём сегодняшнем уюте...»

В моём сегодняшнем уюте,
как камень, вложенный в пращу,
есть чувство близости к минуте,
когда я душу отпущу.

«Пока мы есть сейчас и здесь...»

Пока мы есть сейчас и здесь
внутри безумного пространства,
смешны напыщенность и спесь,
высокомерие и чванство.

«Вся цель моих мыслительных потуг...»

Вся цель моих мыслительных потуг,
попыток и усилий долгих лет —
понять, пускай отчасти и не вдруг,
зачем явился я на белый свет.

«Нельзя не выразить сочувствия...»

Нельзя не выразить сочувствия,
а также честь я воздаю
тем, чьё отсутствие присутствия
так освежает жизнь мою.

«Прошлое не стоит ворошить...»

Прошлое не стоит ворошить,
пусть оно висит, уже неясное,
ибо из былого можно сшить
нечто, настоящему опасное.

«Я спорю деликатно и тактично...»

Я спорю деликатно и тактично,
я душу не поганю грубой шуткой;
а то, что я ругаюсь неприлично —
так это от застенчивости жуткой.

«А время так необратимо...»

А время так необратимо
и так безжалостно оно,
что выпивать необходимо,
чтоб жить с эпохой заодно.

«Мои тюремные союзники...»

Мои тюремные союзники —
а с ними крепко я дружил,
мне вряд ли были бы союзники
в том, чем я тайно дорожил.

«Он так лучился и блистал...»

Он так лучился и блистал —
влюблялись даже зеркала,
пока какая-то глиста
его к рукам не прибрала.

«Я слабо верю в коллектив...»

Я слабо верю в коллектив,
хотя уютней в общих кучах,
но там рождается актив
людей совсем не самых лучших.

«Да, я изрядно толстокож...»

Да, я изрядно толстокож,
но видя мрази единение,
я ощущаю в нервах дрожь
и частое сердцебиение.

«Забавно, что в последние года...»

Забавно, что в последние года
взамен благоговения и страха
мне в голову приходит ерунда,
лишённая и смысла, и размаха.

«Переплетение ветвей...»

Переплетение ветвей
чревато соком ядовитым,
и прадед чистый был еврей,
а правнук стал антисемитом.

«Сколько жить ещё мне суждено...»

Сколько жить ещё мне суждено,
никому не известно про это;
но всегда интересно кино,
где не знаешь развязку сюжета.

«Тот путь, который выбрал я себе...»

Тот путь, который выбрал я себе,
он часто подвергался испытанию,
однако подчинялся не судьбе,
а личному душевному метанию.

«Вполне хватало мне ума...»

Вполне хватало мне ума —
всё понимал я про отечество,
но и по мне прошла чума
сопливой веры в человечество.

«Я много пью хмельного зелья...»

Я много пью хмельного зелья
не только в пользу удовольствия,
не ради краткого веселья,
а для душевного спокойствия.

«Ко мне приходят мысли и сентенции;...»

Ко мне приходят мысли и сентенции;
я мог бы их использовать с успехом,
но я, принадлежа к интеллигенции,
встречаю их сомнением и смехом.

«Давнишняя загадочность России...»

Давнишняя загадочность России —
висящая над нею благодать,
и как бы в ней таланты ни гасили,
Россия продолжает их рождать.

«Высоких нет во мне горений...»

Высоких нет во мне горений
на счёт борьбы добра со злом:
наплыв печальных умозрений
лечу я выпивкой и сном.

«Года летят быстрее птичек...»

Года летят быстрее птичек,
меняя облик наш и мнения;
десяток пагубных привычек
я сохраняю тем не менее.

«Тоска приходит в душу ниоткуда...»

Тоска приходит в душу ниоткуда,
порой даже покою вопреки:
надеется позорная паскуда,
что ей легко сдадутся старики.

«Мой узкий мир ничуть не тесен...»

Мой узкий мир ничуть не тесен,
живу я в личном окружении,
я тот, кому я интересен
в любом доступном приближении.

«А старость потому порой уныла...»

А старость потому порой уныла,
томясь в домашних тапках и халате,
что некая осталась ещё сила,
но не на что и жалко её тратить.

«Почувствовав судьбы благоволение...»

Почувствовав судьбы благоволение
и жизнь мою угрюмо подытожив,
я рад, что совершил переселение
туда, где никому не нужен тоже.

«Приглядываюсь пристально и страстно...»

Приглядываюсь пристально и страстно
к обидному повсюдному явлению:
любых жрецов послушливая паства
весьма подобна овцам, к сожалению.

«Сейчас, когда помимо иллюстраций...»

Сейчас, когда помимо иллюстраций
читается последняя страница,
смешно уже чему-то удивляться
и вовсе нет резона кипятиться.

«Земного срока на закате...»

Земного срока на закате
смотрю вокруг без одобрения:
сегодня мир заметно спятил,
рехнулся в нём венец творения.

«Года текут невидимой рекой...»

Года текут невидимой рекой,
душа томится болью, гневом, жаждой,
невозмутимый внутренний покой
даётся даже старости не каждой.

«Не люблю я возвышенный стиль...»

Не люблю я возвышенный стиль
с воздеванием глаз и бровей,
мне приятнее благостный штиль
тихих мыслей о жизни моей.

«Пусть не хожу я в синагогу...»

Пусть не хожу я в синагогу
и не молюсь, поскольку лень,
но говорю я «слава Богу»
довольно часто каждый день.

«Я медленно и трудно созревал...»

Я медленно и трудно созревал,
хоть не плясал под общую чечётку,
а подлинный прошёл я перевал,
когда уже смотрел через решётку.

«Не говорил я это вслух...»

Не говорил я это вслух,
но замечал чутьём фактическим:
герои часто любят шлюх
с настроем тоже героическим.

«В отличие от гонорей...»

В отличие от гонорей
коронавирус дан от Бога:
религиозные евреи —
большая вирусу подмога.

«Я люблю любого эрудита...»

Я люблю любого эрудита,
он из наших с хаосом посредников,
в нём избытки знаний ядовито
льются на притихших собеседников.

«Добавляются нам неприятности...»

Добавляются нам неприятности,
когда к финишу клонит года:
стало больше забот об опрятности,
а у старости с этим беда.

«Не хочется двигаться, лень шевелиться...»

Не хочется двигаться, лень шевелиться,
исчезло былое лихачество;
я по легкомыслию – прежняя птица,
но только бескрылая начисто.

«Участливо глядит на нас Творец...»

Участливо глядит на нас Творец,
с печалью и тревогой пополам,
а значит, неминуемый пиздец
ещё покуда слабо светит нам.

«Мы вряд ли замечали б это сами...»

Мы вряд ли замечали б это сами,
но зеркало твердит опять и снова,
что виснут под обоими глазами
мешки от пережитого былого.

«Я из разумных стариков...»

Я из разумных стариков,
за справедливость я не воин,
а Божий мир, увы, таков,
что лишь сочувствия достоин.

«Хотя полно гуманных версий...»

Хотя полно гуманных версий,
что разделять народы – грех,
но всё равно арбуз – не персик,
а сыроежка – не орех.

«Бог явно длит моё существование...»

Бог явно длит моё существование,
надеясь, что к исходу углых дней
я всё же сочиню повествование
о жизни неприкаянной моей.

«По жизни случаются дни...»

По жизни случаются дни,
когда уже ясно с утра,
что мрачными будут они,
и будет тоски до хера.

«Теперь я тихий долгожитель...»

Теперь я тихий долгожитель:
забыв былые приключения,
я лишь сочувствующий зритель
земного умопомрачения.

«Со счастьем очень тесно я знаком...»

Со счастьем очень тесно я знаком:
живу я у жены под каблуком.

«Старость – это горечь угасания...»

Старость – это горечь угасания
и с ветвей душевных листопад,
и окрестной жизни прикосновение
часто раздражает невпопад.

«Бог аккуратно близких всех выкашивал...»

Бог аккуратно близких всех выкашивал,
а я пока остался срок тянуть...
Сегодня поминал я брата старшего.
Кого ещё успею помянуть?

«Похоже на дыхание чумы...»

Похоже на дыхание чумы
течёт заразы паводок шальной,
так сильно вирус вывихнул умы,
что станет жизнь совсем теперь иной.

«Ночью дух податлив чуду...»

Ночью дух податлив чуду,
всё загадочно на свете,
лунный свет рассеян всюду,
как евреи по планете.

«Мир хотя устроен не без блядства...»

Мир хотя устроен не без блядства,
но повсюду веет благодать,
многому пристойно удивляться,
ничего не стоит осуждать.

«Не известна конечная дата...»

Не известна конечная дата
у таких же, как я, долгожителей,
но теперь я живу бородато
и к себе отношусь уважительней.

«Хвалю кровать я кстати и некстати...»

Хвалю кровать я кстати и некстати:
когда-то я на ней любил жену,
а главное – на этой же кровати
когда-нибудь я ноги протяну.

«Отменный был бы я еврей...»

Отменный был бы я еврей,
весьма трудолюбивый,
но жаль – на дне души моей
живёт подлец ленивый.

«Прохиндей, вымогатель, пройдоха...»

Прохиндей, вымогатель, пройдоха,
слепок желчи, ума и гавна,
рад любому сказать, что эпоха
удручающе ложью полна.

«Я людей нисколько не сужу...»

Я людей нисколько не сужу —
так уж мы устроены, наверно,
я лишь огорчительно гляжу,
как ползёт на мир густая скверна.

«Пускай беснуется толпа...»

Пускай беснуется толпа,
вопя свои желания,
мне одинокая тропа
нужней для выживания.

«В это время навеки я влип...»

В это время навеки я влип,
в нём живу я и с ним заодно,
а что я – ископаемый тип,
я почувствовал очень давно.

«Когда евреи, головы клоня...»

Когда евреи, головы клоня,
благодарят незримого Творца,
то чувство гложет изредка меня,
что я меж них – паршивая овца.

«Не отвлекаясь на подробности...»

Не отвлекаясь на подробности,
скажу, что я бы, будь у власти —
пособие по неспособности
платил лентяям разной масти.

«Мы душевно – отнюдь не калеки...»

Мы душевно – отнюдь не калеки,
но не стоит сгибаться в поклонах:
дремлет варвар в любом человеке,
а проснуться готов – в миллионах.

«Увядание естественно...»

Увядание естественно —
мир безжалостно жесток,
только видеть очень бедственно
усыхающий цветок.

«И был я уязвим со всех сторон...»

И был я уязвим со всех сторон,
хоть жил, почти того не замечая,
а нынче я в еврействе растворён,
как сахар в чашке налитого чая.

«Напрасно нас пугает бездна...»

Напрасно нас пугает бездна —
в ней очень виды хороши,
туда заглядывать полезно
для укрепления души.

«С валютою не снятся мне мешки...»

С валютою не снятся мне мешки,
в достатке я живу, хоть не богато;
оплот моей свободы – те стишки,
которые в тюрьму свели когда-то.

«При жизни в сумасшедшем доме...»

При жизни в сумасшедшем доме
с его различными акцентами
разумно всё на свете, кроме
серьёзных споров с пациентами.

«Пока тупая сила правит миром...»

Пока тупая сила правит миром,
и ложь весьма успешно служит ей,
не надо ждать ни кацам, ни шапирам
ни тихих лет, ни даже светлых дней.

«Я часто про себя пишу неряшливо...»

Я часто про себя пишу неряшливо
и грустен, как весёлая вдова,
мне жалко про себя, такого зряшного,
отыскивать высокие слова.

«Я раньше никогда бы не подумал...»

Я раньше никогда бы не подумал,
что всё так переменится на свете,
и жизни обаятельного шума
достаточно мне будет в интернете.

«Учусь я у власти умению жить...»

Учусь я у власти умению жить,
завидны апломб и нахальство,
талантом в чужие штаны наложить
всегда отличалось начальство.

«Сегодня говорю я, что всегда...»

Сегодня говорю я, что всегда,
когда уходят царственные лица:
ещё один ушёл из-под суда,
который непременно состоится.

«Слова – сродни случайному лучу...»

Слова – сродни случайному лучу —
приходят без резонов никаких;
стихи я не пишу, а бормочу,
лишь после я записываю их.

«Шёл двадцать первый век уже. Смеркалось...»

Шёл двадцать первый век уже. Смеркалось.
Такого я не знал ещё дотолё:
весь день во мне угрюмо тлела жалость —
поряд ко всем, кто ссучился в неволе.

«В итоге благодарен я судьбе...»

В итоге благодарен я судьбе —
она меня пугала направлением,
а я не упирался с ней в борьбе,
но просто изменял её велениям.

«Я жизнь мою не мыслю без того...»

Я жизнь мою не мыслю без того,
что дарит необъятную свободу —
чтоб как бы я не делал ничего,
но черпал из души живую воду.

«Преступному весь век я предан зуду...»

Преступному весь век я предан зуду,
и в том давно пора признаться мне:
я мысли крал. И впредь я красть их буду,
и пусть потом в аду гореть в огне.

«Я не храбрюсь, когда ругаюсь матом...»

Я не храбрюсь, когда ругаюсь матом,
но не боюсь ни бесов, ни скотов;
готов я к поражениям и утратам
и к разочарованиям готов.

«Мне не дано сердечный перестук...»

Мне не дано сердечный перестук
дарить стиху, лепя его истоки,
и музыка свиданий и разлук
не вложена в мои скупые строки.

«Глухую подковёрную борьбу...»

Глухую подковёрную борьбу
мы вряд ли в состоянии представить,
но проще херу вырасти на лбу,
чем людям добровольно власть оставить.

«В семье, далёкой от народа...»

В семье, далёкой от народа
родился, рос и думал я:
семья, в которой нет уroda, —
неполноценная семья.

«Мне утреннее тяжело пробуждение...»

Мне утреннее тяжело пробуждение —
из памяти теснятся ламентации,
какое это было наслаждение —
мне в молодости утром просыпаться.

«Я нынче тихо бью баклуши...»

Я нынче тихо бью баклуши,
стишки пустячные пишу,
и с удовольствием на уши
любую вешаю лапшу.

«Я не войду в число имён...»

Я не войду в число имён
людей, постигших мира сложность,
но я достаточно умён,
чтоб осознать мою ничтожность.

«Наш мир в рассудке повреждён...»

Наш мир в рассудке повреждён,
во вред был вирус тихим людям;
когда он будет побеждён,
мы все уже иные будем.

«Друзья уходят, множа некрологи...»

Друзья уходят, множа некрологи
про ум, великодушие и честь;
слова про них возвышенно убоги —
смеялись бы они, дай им прочесть.

«Я век мой мирно доживал...»

Я век мой мирно доживал,
уже за то собой доволен,
что не напрасно хлеб жевал
и жаждой славы не был болен.

«Житейской мудрости излишек...»

Житейской мудрости излишек
при богатейшем нюхом носе
не избавляет нас от шишек,
которые судьба приносит.

«Как было в молодости пылкой...»

Как было в молодости пылкой,
когда стелился дружбы шёлк,
теперь я с рюмкой и бутылкой
язык общения нашёл.

«За книгами провёл я много дней...»

За книгами провёл я много дней.
Скорей – годов. Точней – десятилетий.
Но стал ли я от этого умней?
Пока что я такого не заметил.

«Что-то я мучаюсь мыслями стрёмными...»

Что-то я мучаюсь мыслями стрёмными,
глядя на дразги в курятнике:
светлые силы воюют не с тёмными,
их раздражают соратники.

«Все ухватки картёжного шулера...»

Все ухватки картёжного шулера
перенял современный прогресс:
превращение лидера в фюрера —
очень лёгкий сегодня процесс.

«С несправедливостью не воин...»

С несправедливостью не воин,
но и не делатель её,
я блага свыше удостоен —
влачу пустое бытие.

«По счастью, я ругался матом...»

По счастью, я ругался матом,
пороча образа кристалл,
и ничего лауреатом
я из-за этого не стал.

«Дух времени отнюдь не благовонен...»

Дух времени отнюдь не благовонен,
легко любому носу уловить,
что явно есть душок, который склонен
всю атмосферу мира отравить.

«Секрет молчанья очень прост...»

Секрет молчанья очень прост,
и это всем понять дано:
внутри у каждого есть хвост,
а он поджат у нас давно.

«В моём весьма почтенном возрасте...»

В моём весьма почтенном возрасте
текут естественные бедствия,
но вдруг такие вспышки бодрости,
что очень страшно за последствия.

«Стареег цех наш очень фанфаронисто...»

Стареег цех наш очень фанфаронисто,
читателя волнуя и маня,
моё литературное достоинство
теперь важней мужского для меня.

«Лентяи, я всегда люблюсь ими...»

Лентяи, я всегда люблюсь ими
и силой их стремления главнейшего;
они изобретательны – во имя
безделья вождельного дальнейшего.

«Такой приключилась эпоха моя...»

Такой приключилась эпоха моя,
что грязи в ней были пуды;
вся рыба, которую выудил я,
ловилась из мутной воды.

«Несутся мои старческие дни...»

Несутся мои старческие дни
с невиданной доселе дикой скоростью —
похоже, занедужили они
какой-то возрастной безумной хворостью.

«Я что-то нынче сильно плох...»

Я что-то нынче сильно плох,
так беззащитно слаб сегодня,
что появись орава блох,
и я бы молча руки поднял.

«К потомкам дальним не дотянутся...»

К потомкам дальним не дотянутся
все сочинения мои,
но всё равно за мной останутся
мотивы грусти и любви.

«Большому веку современен...»

Большому веку современен —
как я не вывихнул мозги?
Смотрите: Сталин, Гитлер, Ленин
и много чёрной мелюзги.

«Я благонавием не был отмечен...»

Я благонавием не был отмечен,
есть на мне тёмные пятна;
в мой догорающий старческий вечер
вспомнить их очень приятно.

«Когда умру – привет народу...»

Когда умру – привет народу,
своими занятому бедами;
а про заветную свободу
споёт им бард, пока неведомый.

«Прошли естественные сроки...»

Прошли естественные сроки
писательского ремесла,
а я слова в тугие строки
вяжу с упрямостью осла.

«С началом горячей и влажной весны...»

С началом горячей и влажной весны
вся жизнь облекается песней;
у вдов и невест одинаковы сны,
однако у вдов – интересней.

«Навряд ли польза есть в житейском опыте...»

Навряд ли польза есть в житейском опыте,
когда он весь – из грязи и из копоти.

«Весьма достойна сожаления...»

Весьма достойна сожаления
и восхищает нас немерено
та часть земного населения,
которая во всём уверена.

«Наша старость протекает без надрывов...»

Наша старость протекает без надрывов,
тихоструен весь поток последних лет:
нету замыслов, мечтаний и порывов,
даже просто и желаний тоже нет.

«Какой-нибудь идеи дуновение...»

Какой-нибудь идеи дуновение
едва только повеет над окрестностью,
немедленно рождается вдохновение
у бездари, измученной безвестностью.

«Таким я вовсе не был смолоду...»

Таким я вовсе не был смолоду,
но не воротись годы вспять:
с утра лениво глажу бороду,
после чего ложусь доспать.

«Наблюдаю много лет я борьбу и гонки...»

Наблюдаю много лет я борьбу и гонки,
у меня вопросы есть, далеко не праздные:
знают ли мерзавцы, что они подонки,
что о себе думают негодяи разные?

«Азарт познания угас...»

Азарт познания угас,
но я ещё живу;
уныло щиплет конь Пегас
пожухлую траву.

«Мне кажется, во мне с рождения...»

Мне кажется, во мне с рождения,
и горячь в иные дни,
дурные жили побуждения.
Но нынче померли они.

«О чём туманно грезят старики...»

О чём туманно грезят старики,
когда уже не светит ничего?
Что мерзкому дряхленью вопреки
они ещё поскачут о-го-го,

«Я выгорел внутри почти дотла...»

Я выгорел внутри почти дотла,
остался лишь заброшенный подвал,
и нет уже душевного тепла,
которое я раньше раздавал.

«Хоть не встречал я привидений...»

Хоть не встречал я привидений
за годы долгие, что прожил,
боюсь я призраков и теней,
хотя я их не видел тоже.

«Со спорщиками раньше был я дружен...»

Со спорщиками раньше был я дружен,
а нынче – молчаливый инвалид:
мой умственный желудок перегружен,
мыслительный запор меня томит.

«Легко, вольясь в людскую реку...»

Легко, вольясь в людскую реку,
прильнуть к дыханию угарному;
уютна стадность человеку,
особенно – лицу бездарному.

«Кто в суете и круговерти...»

Кто в суете и круговерти
без мельтешенья жить не может —
наверно, он и после смерти
чертей в аду собой тревожит.

«То хлипких знаний фанаберия...»

То хлипких знаний фанаберия,
то чувства жизни торжество;
как совместить, что в Бога верю я,
но думаю, что нет Его?

«Когда гнетёт меня печаль...»

Когда гнетёт меня печаль
и настроение недужное,
беру стакан, но лью не чай,
а нечто более мне нужное.

«В Австралии резвятся кенгуру...»

В Австралии резвятся кенгуру,
на севере медведи ищут мёд,
а мне никак сегодня поутру
лень вязкая подняться не даёт.

«Младенцем сосал материнскую грудь...»

Младенцем сосал материнскую грудь
и рад был пелёнкам сухим,
и вовсе не думал, что жизненный путь
окажется долгим таким.

«Я прошлые не помню склонности...»

Я прошлые не помню склонности,
в былом поддержку не ищу;
о состоянии влюблённости
я только изредка грущу.

«Навряд ли мои предки унывали...»

Навряд ли мои предки унывали
в заполненные хлопотами дни;
я думаю, в местечках торговали
мечтами и надеждами они.

«Когда совсем удача рядом...»

Когда совсем удача рядом,
и надо чуть ещё сноровки,
то ухватить полезно взглядом,
не сыр ли это в мышеловке.

«Всё как-то стало безотрадно...»

Всё как-то стало безотрадно,
свихнулась жизненная ось;
живи я стайно или стадно —
гораздо легче мне б жилось.

«ДЫМИТ ЗАВОД. РАСТУТ ДОМА...»

Дымит завод. Растут дома.
Свет побуждает к жизни тьму.
Мир не сошёл ещё с ума,
но явно движется к тому.

«Я наделён образованием...»

Я наделён образованием
и грустью о его излишности,
что служит веским основанием
глухого чувства никудышности.

«Я был бы просто подлецом...»

Я был бы просто подлецом,
не огласив уведомления,
что мерзок вложенный Творцом
наш дар взаимоистребления.

«Я многое чего не докумекал...»

Я многое чего не докумекал,
сейчас уже закрыта эта дверь;
но много понял я про человека,
и горестно душе моей теперь.

«Меня пугали хулиганами...»

Меня пугали хулиганами,
антисемитами, чекистами,
ворами, жуликами, пьяными,
и даже силами нечистыми.
А я – гулял.

«Изрядно самогоном обожжённая...»

Изрядно самогоном обожжённая,
и спиртом – я его не разбавляю,
вся глотка у меня уже лужёная,
но я её и дальше закаляю.

«Я только сейчас, к исходу века...»

Я только сейчас, к исходу века
трезво начал думать головой:
изо всех инстинктов человека
всё же самый главный – пищевой.

«Я рад был видеть: напрочь разные...»

Я рад был видеть: напрочь разные
умом, характером и опытом,
евреи, праздник жизни празднуя,
здесь на клочке собрались крохотном.

«Не путай службу и служение...»

Не путай службу и служение:
служение – всегда вериги,
а служба любит продвижение
и пишет нравственные книги.

«И я когда-то был учащимся...»

И я когда-то был учащимся,
как все ровесники мои,
а нынче все мы тихо тащимся
с телегой собственной семьи.

«Есть за всё в этой жизни расплата...»

Есть за всё в этой жизни расплата,
вот кончается срок мой земной,
над людьми я смеялся когда-то,
нынче время шутить надо мной.

«Сижу внутри квартиры у дверей...»

Сижу внутри квартиры у дверей.
В пивную в это время шёл я встарь.
Но вирус там гуляет – как еврей,
продавший прошлогодний календарь.

«Восторженность ко мне приходит редко...»

Восторженность ко мне приходит редко,
и счастьем искажается лицо,
я радуюсь восторгу, как наседка,
благополучно снёшая яйцо.

«Увы, по мере пробуждения...»

Увы, по мере пробуждения —
а сны мне дарят утешение —
во мне растёт предубеждение
против земного мельтешения.

«Какую-то крошку тащил муравей...»

Какую-то крошку тащил муравей,
и груз был тяжёл малышу;
и стало смешно мне: я старый еврей,
но тоже продукты ношу.

«По возрасту давно бы мне пора...»

По возрасту давно бы мне пора
уже утихомириться, наверно,
но жизни ежедневная игра
по-прежнему влечёт меня безмерно.

«Зря иные кипят в беспокойстве...»

Зря иные кипят в беспокойстве,
не желая понять соответственно:
неисправности в нашем устройстве
нарастают с годами естественно.

«Уже я в жаркий перепляс...»

Уже я в жаркий перепляс
не кинусь в бурном хороводе:
года своё берут у нас —
дряхлаешь даже на свободе.

«Нет, на Творца я не в обиде...»

Нет, на Творца я не в обиде,
что так судьбу мне предназначил:
я столько всякого увидел,
что жил бы хуже я иначе.

«Время нынче катится безумное...»

Время нынче катится безумное,
сдвинулась какая-то основа,
в наше благоденствие бездумное
льются звуки хаоса земного.

«На свете есть такое вещество...»

На свете есть такое вещество —
звучит оно ругательством в народе;
я не люблю любое большинство:
в нём это вещество бурлит и бродит.

«Когда уйду я в царство теней...»

Когда уйду я в царство теней,
примусь, наверно, я роптать,
что нет у теней сновидений,
а мне их будет не хватать.

«Ненужное милее мне, чем нужное...»

Ненужное милее мне, чем нужное,
притом руковожусь я вкусом личным;
пристрастие моё, корысти чуждое,
и сделало наш дом таким отличным.

«Срок земной не знает замедления...»

Срок земной не знает замедления,
и замедлить старость нету средства;
скоро я достигну просветления
и впаду в задумчивое детство.

«Всякое моё изображение...»

Всякое моё изображение,
как и лично я в оригинале,
в женщинах будить воображение
может, к сожалению, едва ли.

«Бесчисленно обилие трактатов...»

Бесчисленно обилие трактатов
о том, как мир улучшить и спасти,
но столько же и пламенных плакатов,
зовущих уничтожить и снести.

«Охотно славу я воздам...»

Охотно славу я воздам
прогрессу женского создания:
отзывчивость прекрасных дам
растёт по мере увядания.

«Когда народ за душу трогали...»

Когда народ за душу трогали,
мы отзывались каждый раз,
и объявилось много погани,
но больше качественных нас.

«Живу я тихо и беспечно...»

Живу я тихо и беспечно —
как понимаю жизни суть,
а то, что жить не буду вечно,
меня не трогает ничуть.

«Простое вполне размышление...»

Простое вполне размышление
из воздуха всплыло затихшего:
моё неуёмное тление —
остатки горения бывшего.

«Когда у власти гаснут чары...»

Когда у власти гаснут чары,
и страхи видятся подробные,
тогда нужны ей янычары —
тупые, тёмные и злобные.

«Уже стою у двери в мир иной...»

Уже стою у двери в мир иной,
хотя навряд ли есть такая вечность;
на память полистав мой путь земной,
одобрил я и глупость, и беспечность.

«Устроен каждый очень разно...»

Устроен каждый очень разно
из непонятных Божьих тварей:
вот ведь живу я буржуазно,
а всей повадкой – пролетарий.

«Мне столь же нужно, как дыхание...»

Мне столь же нужно, как дыхание
и как послушнику – молитва,
слов невесомых колыхание,
когда несёт их в сети ритма.

«Едва лишь дымом сигареты...»

Едва лишь дымом сигареты
я вождленно затянусь,
немедля тает в дыме этом
любая жизненная гнусь.

«Ушла из ног былая резвость...»

Ушла из ног былая резвость,
запал погас, исчезла прыть;
лишь постоянная нетрезвость
нам помогает жизнь любить.

«Заметил я, что ближе к ночи...»

Заметил я, что ближе к ночи
по мере возраста и вкуса
совсем различным озабочен
старик и юноша безусый.

«Сегодня я в любом огромном зале...»

Сегодня я в любом огромном зале
сказал бы, видя много сотен лиц,
что бабы в наше время доказали,
что мужество – совсем не от яиц.

«Длится много лет моя суббота...»

Длится много лет моя суббота —
долгий незаслуженный покой;
лишь одна томит меня забота —
как бы разукрасить отдых мой.

«Когда мне пафосные речи...»

Когда мне пафосные речи
плетёт пустое существо,
то ясно мне, что недалече
идёт большое воровство.

«Много ездивши по свету...»

Много ездивши по свету,
убеждался бесконечно я,
что нигде к евреям нету
дружелюбия сердечного.

«Попытки вникнуть – увы, напрасны...»

Попытки вникнуть – увы, напрасны,
куда снаружи ни посмотри:
витрины жизни везде прекрасны,
но мы-то, люди, живём внутри.

«Наверно, дедушка устал...»

Наверно, дедушка устал,
решили внуки дружно,
как только дед их перестал
хрипеть натужно.

«Мне о себе достаточно известно...»

Мне о себе достаточно известно.
Меж теми, кто творит восторг и шум,
я трезво понимаю своё место.
Однако счастлив я, когда пишу.

«Как застрявший в шахте рудничной...»

Как застрявший в шахте рудничной
и притом лишённый голоса,
из болота жизни будничной
я тащил себя за волосы.

«Я часто в забубённом русском мате...»

Я часто в забубённом русском мате,
звучащем, если к месту, не вульгарно,
дыхание высокой благодати
всем сердцем ощущаю благодарно.

«Не сбудется сказка о мире ином...»

Не сбудется сказка о мире ином,
зароют остывшее тело,
и будет вертеть меня в шаре земном,
как раньше на шаре вертело.

«Состарясь, я ничуть не унываю...»

Состарясь, я ничуть не унываю:
пока маячит смерть невдалеке,
я сам себе и рюмку наливаю,
и налитое сам держу в руке.

«Ушли любовные страдания...»

Ушли любовные страдания,
затихли все былые песни,
теперь устройство мироздания
мне стало много интересней.

«Им недолго жить в сиропе...»

Им недолго жить в сиропе
и кичиться знанием:
призрак бродит по Европе
под зелёным знаменем.

«О будущем не строю я прозрения...»

О будущем не строю я прозрения,
картину сочинил бы я неверную,
а к нынешнему дню, кроме презрения,
я чувствую любовь невероятную.

«И зла в достатке, и добра...»

И зла в достатке, и добра
в письме и в речи устной;
но жаль, серьёза до хера,
а мир смешной и грустный.

«Никто б из нас не стал поэтом...»

Никто б из нас не стал поэтом
или создателем офортов,
а рождены мы все – декретом
о запрещении абортв.

«Жить растущей хвори вопреки...»

Жить растущей хвори вопреки,
как бы годы ни были суровы,
могут и умеют старики.
Это ценят будущие вдовы.

«В эпоху чёрного паскудства...»

В эпоху чёрного паскудства
и торжества болотной мрази —
беспечность, лень и безрассудство
спасают нас от липкой грязи.

«Когда я сидел под тюремным замком...»

Когда я сидел под тюремным замком
за то, что ходил я по краю,
с народом я был очень тесно знаком.
И мало ему доверяю.

«День ушёл, как не было его...»

День ушёл, как не было его.
Я успел сегодня очень мало.
Нового узнал я ничего,
старое меня не занимало.

«Идут за поколеньем поколение...»

Идут за поколеньем поколение,
испытывают радости труда,
выносят унижение, растление
и тихо уплывают в никуда.

«У всякой жизни главный враг...»

У всякой жизни главный враг —
уполномоченный дурак.

«Злодеев идейных сегодня полно...»

Злодеев идейных сегодня полно
повсюду – куда ни взгляни,
и льётся не только из уст их гавно,
ещё и убийцы они.

«Всё, что выпало нам на веку...»

Всё, что выпало нам на веку,
не взыска доподлинной точности,
уложить я пытался в строку,
запирая на рифму для прочности.

«Скудость, мелюзга и шелупонь...»

Скудость, мелюзга и шелупонь,
полные в душе карьерной страсти,
очень создают большую вонь,
если добираются до власти.

«Предвестие, понятное не сразу...»

Предвестие, понятное не сразу,
довольно долго в воздухе крутилось,
и мы потом не зря ругали разум,
когда дурная весть уже явилась.

«Слово красивое – совокупление...»

Слово красивое – совокупление,
лучшее из утешений;
в каждом соитии есть искупление
всех остальных согрешений.

«Промчалась жизнь единым мигом...»

Промчалась жизнь единым мигом,
я исчерпал земную долю;
обязан я остался книгам,
жене, друзьям и алкоголю.

«Сулят года суровые...»

Сулят года суровые
тревожные гудки:
цветут везде махровые
крутые мудаки.

«Свою мы не улучшили породу...»

Свою мы не улучшили породу,
Творец о том нисколько не грустит,
но жутко мы загадили природу —
нам этого природа не простит.

«Приметы времени зловещи...»

Приметы времени зловещи:
влечёт коммерция юнцов,
народы сукам рукоплещут
и перевозносят подлецов.

«Себя трудами изнуря...»

Себя трудами изнуря,
взыскупя Божьей похвалы,
нам не достичь порога рая,
а мыть в чистилище полы.

«Характер мой – довольно спорный...»

Характер мой – довольно спорный,
им я поэтому не хвастал,
зато порывы – благотворны,
хотя случаются не часто.

«Устав негодовать и удивляться...»

Устав негодовать и удивляться,
я думаю порой: ебёна мать,
есть многое на свете, друг Гораций,
о чём гораздо лучше бы не знать.

«А мне уже непостижимо...»

А мне уже непостижимо,
уже загадка для меня —
как можно жить внутри режима,
здоровье в целости храня.

«Есть чудо, тайна и секрет...»

Есть чудо, тайна и секрет
в любом поступке разовом:
я твёрдо знал, что Бога нет,
но кто мне путь подсказывал?

«Это лишь мыслишка, а не знание...»

Это лишь мыслишка, а не знание,
это в темноте моей просвет:
каждый что-то вносит в мироздание,
знает он об этом или нет.

«Сочинитель не крупного профиля...»

Сочинитель не крупного профиля,
я привязан к бумажным листам,
и гуляет моя философия
по доступным и мелким местам.

«Когда цветы к ночи пожухли...»

Когда цветы к ночи пожухли,
нигде не слышен пьяный мат,
ко мне доносится из кухни
невыразимый аромат.

«Я не предам себя стыду...»

Я не предам себя стыду
за то, что я люблю еду:
недаром слово «продовольствие»
созвучно слову «удовольствие».

«Бывало больно, горько, кисло...»

Бывало больно, горько, кисло —
судьба скупилась на ковриги,
и то, что нет у жизни смысла,
опровергали только книги.

«Судя обо всём уравновешенно...»

Судя обо всём уравновешенно,
трезво, не пристрастно, объективно,
трудно без печали, с болью смешанной,
высказать, как это всё противно.

«Влияние наследственных корней...»

Влияние наследственных корней —
заметно, впечатляюще и грустно:
мой предок – местечковый был еврей,
и я живу довольно захолустно.

«Пришло предчувствие приятное...»

Пришло предчувствие приятное,
и я поверил, идиот,
что нечто вдруг невероятное
случится и произойдёт.

«Однажды жизнь освободится...»

Однажды жизнь освободится
от заражений и опаски,
без масок будут наши лица
уже в обычной личной маске.

«Дни летят, превращаясь в года...»

Дни летят, превращаясь в года,
предвещая распад и разлом,
очень редко, совсем иногда
обдавая ушедшим теплом.

«Когда приходит увядание...»

Когда приходит увядание,
как и положено в судьбе,
родится новое страдание —
печаль о нынешнем себе.

«В будничной рабочей суматохе...»

В будничной рабочей суматохе,
в сумерках житейского колодца
многие черты своей эпохи
людям уловить не удаётся.

«Я сильно временем иссушен...»

Я сильно временем иссушен,
а также в силу безысходности
я стал почти что равнодушен
к любой текущей в мире подлости.

«С возрастом пишу гораздо тише я...»

С возрастом пишу гораздо тише я,
старческую сдержанность ценя,
кто читал мои четверостишия,
очень огорчится за меня.

«Творцом означена тенденция...»

Творцом означена тенденция,
и вышло гнусное явление:
угасла начисто потенция,
но подло тлеет вожделение.

«Готов идти я на пари...»

Готов идти я на пари,
что знаю древних знаний сливки:
душа находится внутри,
а к ночи требует поливки.

«Я говорю прозрачно и открыто...»

Я говорю прозрачно и открыто,
мне чужды дипломатии изыски:
боюсь я коллективного корыта,
давно питаюсь я из личной миски.

«Благодаря, наверно, генам чистым...»

Благодаря, наверно, генам чистым —
а гены служат качеству порукой —
я не был никогда пропагандистом,
горланом, агитатором и сукой.

«Несла убийства и контузии...»

Несла убийства и контузии
та оборвавшаяся нить
эпидемической иллюзии,
что можно мир наш изменить.

«Есть в сутках отрезок любимого времени...»

Есть в сутках отрезок любимого времени —
отменно живу я во сне:
друзья из ушедших бесплотными тенями
ночами приходят ко мне.

«Нет, в этом жанре я не пионер...»

Нет, в этом жанре я не пионер,
писали так и те, кто много выше,
однако же я первый слово «хер»
в короткое привлёк четверостишие.

«Когда вступал в законный брак...»

Когда вступал в законный брак
в давнишние года,
совсем не думал я, дурак,
что это навсегда.

«В саду сидел седой старик...»

В саду сидел седой старик,
он жить уже устал,
но животворный чик-чирик
с ветвей к нему слетал.

«Жить с веком нашим в унисон...»

Жить с веком нашим в унисон
без неприязни некой внутренней
мне помогает только сон —
ночной, дневной и даже утренний.

«Увы, я неуч неотёсанный...»

Увы, я неуч неотёсанный,
мне умный спор не по плечу,
и перед вечными вопросами
о стену лбом я не стучу.

«Совсем не помнил я открытие...»

Совсем не помнил я открытие,
давно созревшее в уме:
что не люблю я общежитие,
мне остро вспомнилось в тюрьме.

«Я веское имею основание...»

Я веское имею основание
надеяться, что жил, не множа зло,
и тихое моё существование
кому-то даже радость принесло.

«Любил я Олю, Дусю, Зину...»

Любил я Олю, Дусю, Зину,
и с Ниной баловался всласть:
я не хотел в одну корзину
все яйца класть.

«Судьбы моей густой материал...»

Судьбы моей густой материал
слепился в результате хорошо:
я много в этой жизни потерял,
однако же не меньше и нашёл.

«Увы, всему положен финиш...»

Увы, всему положен финиш,
и молча принял я, не плача,
что ничего уже не вынешь,
когда наметилась удача.

«Весьма простая держит нить...»

Весьма простая держит нить
всех тех, кто с нами хороводится:
нельзя еврея полюбить,
но уважать его – приходится.

«Мы уходим, как листья осенние...»

Мы уходим, как листья осенние
оппадают на землю послушливо,
только вера, что есть воскресение,
облегчает нам боль малодушия.

«За все земные злодеяния...»

За все земные злодеяния,
хотя порой они ужасны —
увы, не будет воздаяния,
и все мечтания напрасны.

«Мир переполнен злом и подлостью...»

Мир переполнен злом и подлостью,
враньё течёт со всех сторон;
я только в том уверен полностью,
что доживу до похорон.

«Увы, увы, но счастье власти...»

Увы, увы, но счастье власти —
такая хворость бесподобная,
что в мире нету жарче страсти,
чем жажда власти низкопробная.

«Мне часто кажется, что хватит...»

Мне часто кажется, что хватит
стихи высиживать, как курица,
но рифма – кстати и некстати
опять мешает образумиться.

«Если баба достаточно женственна...»

Если баба достаточно женственна,
и к тому же уживчивый нрав,
то и ругань у бабы божественна,
а мужик виноват и неправ.

«Ушли великие поэты...»

Ушли великие поэты,
где к Богу ближе,
однако я их силуэты
всё время вижу.

«Ветры времени сдувают нас, как пыль...»

Ветры времени сдувают нас, как пыль,
унося её в пространства запредельные,
остаются как сомнительная быль
наши образы, скупые и поддельные.

«Меня обманывали часто...»

Меня обманывали часто.
Жулью простительны грехи,
поскольку есть такая каста —
не дураки, но лопухи.

«Теперь я мало озабочен...»

Теперь я мало озабочен —
и мне признать не стыдно это, —
что время в мире близко к ночи,
и нету признаков рассвета.

«Желание писать несую, как гирию...»

Желание писать несую, как гирию,
по счастью, есть коллеги по перу:
то мысли украду, то рифму стырю,
то строчку целиком легко сопру.

«По жизни я вполне ещё бреду...»

По жизни я вполне ещё бреду,
держа свою зажжённую свечу;
стишки я сочиняю на ходу,
поэтому всё время бормочу.

«Я не был ни учёный, ни герой...»

Я не был ни учёный, ни герой,
и не хрипел устало и натруженно,
свой бутерброд, намазанный икрой,
я утром ем нисколько не заслуженно.

«О старости не зря с тоской вздыхают...»

О старости не зря с тоской вздыхают:
не лёгок путь последний до погоста,
и все земные связи усыхают,
а жить с самим собой совсем не просто.

«Не тоскую я о юной поре...»

Не тоскую я о юной поре,
день сегодняшний ловлю я с поличным;
время подлое стоит на дворе.
А когда оно бывало приличным?

«Мотался я туда-сюда...»

Мотался я туда-сюда,
стихи сажал на длинной грядке...
Теперь седая борода
и сил ничтожные остатки.

«Мне хорошо на склоне дней...»

Мне хорошо на склоне дней,
вся жизнь – уже вчера;
мне от судьбы – спасибо ей —
не нужно ни хера.

«Среди повседневных некрупных забот...»

Среди повседневных некрупных забот
вертеться доводится мне,
и что человечество рядом живёт,
я помню уже не вполне.

«Легко писать печально и уныло...»

Легко писать печально и уныло
про то, что мир жесток и бестолков,
про то, что непременно ждёт могила,
особенно – лихих весельчаков.

«Я ни за что людей не порицаю...»

Я ни за что людей не порицаю,
чужие души – дикий тёмный лес,
я многое на свете отрицаю,
но ко всему питаю интерес.

«Долгое немое созерцание...»

Долгое немое созерцание —
вещи, человечества, события,
в нас родит ответное мерцание —
мысли, откровения, наития.

«Как будто это некое предательство...»

Как будто это некое предательство,
однако же бывает, что друзья
в такие попадают обстоятельства,
что им уже никак помочь нельзя.

«Стишки то завывал я, то гундосил...»

Стишки то завывал я, то гундосил,
они то завихрялись, то парили,
и зрители, в душе которых осень,
меня потом весьма благодарили.

«Струится время беспросветное...»

Струится время беспросветное,
и возникают мысли пошлые,
какое будущее светлое
нам улыбалось в годы прошлые.

«Когда кончается гипноз...»

Когда кончается гипноз —
порою только через годы —
больнее колется мороз
и ощутимее невзгоды.

«Всё время хочется прилечь...»

Всё время хочется прилечь.
Когда-то был ведь непоседа.
А заведёшь о чём-то речь,
и вдруг забыл, о чём беседа.

«В настроение придя философское...»

В настроение придя философское,
сразу вижу я предел разумению;
всё во мне теперь уже стариковское —
даже мысли о себе, к сожалению.

«Я наслаждаюсь – нет иного слова...»

Я наслаждаюсь – нет иного слова,
и я молчу – ни звука вопреки,
когда при мне серьёзно и сурово
дискуссию заводят мудаки.

«От жизни нет у нас охраны...»

От жизни нет у нас охраны,
да хоть и были бы врачи мы,
но время нам наносит раны,
которые неизлечимы.

«Горькое чувство меня прихватило...»

Горькое чувство меня прихватило —
грустно, что всё понапрасну,
только на небе не гаснут светила,
а на земле они гаснут.

«Мне нравилась черта моя...»

Мне нравилась черта моя:
ценя забаву предприятия,
про то любил поспорить я,
о чём был вовсе без понятия.

«Душе отраднo пoстoянствo...»

Душе отраднo пoстoянствo,
с кoтoрым испoдвoль мaня,
зoвёт нaс бoлжe к нoчи пьянствo,
смывaющee бoли днa.

«Как хорошо, что время тянется...»

Как хорошо, что время тянется,
что длится гнусная эпоха,
как хорошо, что я не пьяница,
а просто старый выпивоха.

«Под вечер за щедрость Всевышнего...»

Под вечер за щедрость Всевышнего,
хотя ни о чём не прошу,
я выпью чего-нибудь лишнего,
а нужным потом закушу.

«А был бы талант, я писал бы романы...»

А был бы талант, я писал бы романы,
лихие творя пируэты,
но я, озарённый, как все графоманы,
нахально подался в поэты.

«Явился факт – печальный и обыденный...»

Явился факт – печальный и обыденный,
не стоит обижаться на природу,
но мельче стал колодец тот невидимый,
откуда черпал я живую воду.

«Не знаю ничего я многотрудней...»

Не знаю ничего я многотрудней,
чем точно ритуалы соблюдать:
я равно пью на праздники и в будни,
и ровная мне льётся благодать.

«Заметно увеличилось число...»

Заметно увеличилось число
умельцев, кто достоинство храня,
освоили лихое ремесло
крутого оголтелого вранья.

«Вечерних кинофильмов завсегдаем...»

Вечерних кинофильмов завсегдаем
являясь ежедневно и давно,
не пользуюсь я праздничными датами
и виски пью под каждое кино.

«Ещё не раз дадут мерзавцу премию...»

Ещё не раз дадут мерзавцу премию,
ещё не раз повеет благодать;
безумия большую эпидемию
мы тоже ещё можем ожидать.

«Когда пришла любовная пора...»

Когда пришла любовная пора,
то можно трактовать её по-разному,
любовь – это высокая игра,
лишающая нас остатков разума.

«Сумма знаний, дара и наития...»

Сумма знаний, дара и наития,
если их союз угоден Богу,
нам сулят великие открытия,
но улучшить нас они не смогут.

«Любил я в жизни первой половине...»

Любил я в жизни первой половине
сомнительных людей любое месиво;
однако же, признаться, мне доньше
об этом вспоминать легко и весело.

«Ты напрасно тужишься, философ...»

Ты напрасно тужишься, философ,
чушь из головы не городи,
лучше состругай из ветки посох
и с сумой по миру походи.

«Выслушивал я разные суждения...»

Выслушивал я разные суждения,
они бывали свежи и несвежи,
и вскоре я дошёл до убеждения,
что умные несут херню не реже.

«Божью милость нынче трудновато...»

Божью милость нынче трудновато
выпросить молитвой и постом,
вся планета движется куда-то,
в то, что у кобылы под хвостом.

«У времени мы не были в опале...»

У времени мы не были в опале,
хоть не возили нас автомобили,
но дивные подружки с нами спали,
и ветреные девки нас любили.

«Слегка сегодня был я озадачен...»

Слегка сегодня был я озадачен,
заметив, что в житейской канители
уже себе желаю не удачи,
а здравого ума в ходячем теле.

«Других таких не сыщешь наций...»

Других таких не сыщешь наций,
где б мы ни жили, всё похоже:
еврей не хочет растворяться,
а если хочет, то не может.

«Отрадно в годы на закате...»

Отрадно в годы на закате,
когда почти закончен путь,
вдруг ощутить, насколько кстати
сейчас бы выпить что-нибудь.

«Я к себе домой пускал не всякого...»

Я к себе домой пускал не всякого,
потому что гости – это честь;
всех мы угощали одинаково:
водка и закуски – всё, что есть.

«Признаться в этой горести легко...»

Признаться в этой горести легко:
от музыки держусь я в стороне.
От музыки живу я далеко.
Но музыка звучит порой во мне.

«Возможно, я избыточно серьёзен...»

Возможно, я избыточно серьёзен,
однако же, поклонник созидания,
без веры в Бога стал религиозен,
оглядывая чудо мироздания.

«Уже такое всякое наверчено...»

Уже такое всякое наверчено
о вируса стремительной победе,
что, если всё выслушивать доверчиво,
то крыша обязательно поедет.

«Творцом положена граница...»

Творцом положена граница
познания и тьмы, и света,
но хомо сапиенс резвится,
ничуть не думая про это.

«Натешась вдосталь жизни пиром...»

Натешась вдосталь жизни пиром,
я повторяю вновь и снова:
абсурд и хаос правят миром,
два сына разума земного.

«Её хоть невозможно изучить...»

Её хоть невозможно изучить,
но много в этом чуде интереса:
никак нельзя случайность исключить
из музыки научного прогресса.

«В мире много разных философий...»

В мире много разных философий,
мир они толкуют очень бледно;
я за чашкой утреннего кофе
тоже философствую не бедно.

«Смотрю вокруг я с детским любопытством...»

Смотрю вокруг я с детским любопытством,
давно я поступил в немые зрители,
и мне скорей смешно, с каким бесстыдством
наёбывают мир его властители.

«На небе есть большой чертог...»

На небе есть большой чертог,
там бесы правят временем,
порой туда заходит Бог
и смотрит с одобрением.

«Я не сатирик и не юморист...»

Я не сатирик и не юморист,
я тихий собиратель разной копоты,
и прост я, как бумажный чистый лист,
который заполняют чем ни попадя.

«Давно горжусь, что мой народ...»

Давно горжусь, что мой народ —
весьма таинственное племя:
он городил свой огород
в любом краю в любое время.

«О людях – человек я пожилой...»

О людях – человек я пожилой —
сужу по их невидимому качеству:
у множества в системе корневой
готовность есть и к рабству, и к палачеству.

«Надеюсь, Бог уже простил...»

Надеюсь, Бог уже простил
мне юной скверны грязь,
судьбы свой камень я катил,
почти не матерясь.

«Однажды в порыве одном...»

Однажды в порыве одном
политики взмолятся Богу:
штаны их раздует гавном,
бежать они просто не смогут.

«В суждениях могу я погодить...»

В суждениях могу я погодить,
но что-то нынче знаю вне сомнений:
у женщины желание родить —
основа всех поступков и стремлений.

«С какого-то срока пора собираться...»

С какого-то срока пора собираться,
всё стало темнее и путаней,
энергия жизни из хилого старца
уходит обилием пуканий.

«Я не принёс ни пользы, ни урона...»

Я не принёс ни пользы, ни урона.
Хотя и храм воспел я, и бардак,
но славы низкопробная корона
ни разу не покрыла мой чердак.

«Утраты, находки, потери...»

Утраты, находки, потери,
лихое земное скитание —
уходят в туман возле двери
в иное совсем испытание.

«Сегодня ночью жизнь мою листал...»

Сегодня ночью жизнь мою листал,
ища, что получается в итоге;
когда б я начал с чистого листа,
то раньше бы задумался о Боге.

«Любые разумные доводы...»

Любые разумные доводы
не в силах вождей убедить,
когда для подянки есть поводы,
и можно легко победить.

«Нет, я не жгу себя дотла...»

Нет, я не жгу себя дотла
трудом на склоне лет,
а на вопросы, как дела,
я на хуй шлю в ответ.

«Пусть вреда обоснование...»

Пусть вреда обоснование
звучит весомо и не праздно,
но алкогольное вливание
душе моей нужней гораздо.

«С упрёком смотрят мне вослед...»

С упрёком смотрят мне вослед
глаза бывалых докторов:
курю я очень много лет,
однако всё ещё здоров.

«Я начитался всякой дури...»

Я начитался всякой дури,
слегка кривя физиономию,
и охладел к литературе,
и перешёл на гастрономию.

«Много было на свете событий...»

Много было на свете событий,
изумительно ярких в начале,
чтобы позже в разбитом корыте
полоскались немые печали.

«Мы пьём, целуемся, едим...»

Мы пьём, целуемся, едим,
нужды не знаем в переменах,
а страх, на диво невредим,
живёт в уме, душе и генах.

«Я не мудёр, однако опытен...»

Я не мудёр, однако опытен,
могу я в шорохе походки
или в застольном тихом шёпоте
услышать жульничества нотки.

«Вкушая крепкие напитки...»

Вкушая крепкие напитки,
теперь живу на свете я
немного медленней улитки,
но хлопотливей муравья.

«Ещё мы в сужденьях круты...»

Ещё мы в сужденьях круты,
ещё мы довольны судьбой,
но близостью смертной черты
заметно отмечен любой.

«Блаженство остро чувствуя хмельное...»

Блаженство остро чувствуя хмельное,
я почему-то думаю тревожно,
как зыбко благоденствие земное
и обольщаться надо осторожно.

«Пришла невнятная тоска...»

Пришла невнятная тоска —
глухая, тёмная, немая;
я душу рюмкой обласкал,
исток тоски не понимая.
Ушла мерзавка.

«Друзей ушедших лица ясные...»

Друзей ушедших лица ясные
я вижу вдруг среди бела дня,
слова их – явно не напрасные,
непостижимы для меня.

«Из-за бушующих амбиций...»

Из-за бушующих амбиций,
хотя они и сокровенны,
поэтов будничные лица
бывают очень вдохновенны.

«Опережая некролог...»

Опережая некролог,
хочу сказать покуда:
я написал не всё, что мог,
пришлю уже оттуда.

«За всё переживать уже не нужно...»

За всё переживать уже не нужно:
хотя эпоха сделалась подлей,
с реальностью теперь живу я дружно,
поскольку перестал общаться с ней.

«Но жизнь – как её ни гасили...»

Но жизнь – как её ни гасили,
прекрасна при всей её сложности,
а злоба растёт из бессилия,
бесправия и безнадёжности.

«Не понимает молодёжь...»

Не понимает молодёжь,
как дивно жить на склоне лет:
немного выпил – и живёшь,
а смерти не было и нет.

«А старость я переживал...»

А старость я переживал,
слегка сопя от наслаждения,
когда я рифмой обшивал
свои пустые рассуждения.

«Одна у всехней старости беда...»

Одна у всехней старости беда —
что вовсе неожиданно полезли
неведомые раньше никогда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.